

IV. История культуры

Сергей Магарил

К вопросу о русском национальном характере: все ли отечественные традиции хранить?*

«...В русском народе есть что-то неотвратно неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно – его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет... Идея законности, ... идея права для русского человека бессмыслица.»

П.Я. Чаадаев

«Общество, которое не научилось развиваться постепенно реформируясь, неизбежно заплатит жизнями доброй части своих членов в горниле революции.»

П. Сорокин

Один из выдающихся умов России, дипломат и поэт Ф.И. Тютчев когда-то произнес: «Умом Россию не понять...». С тех пор многие умы пытаются постичь тайну России и ее загадочный народ. На тему русского национального характера¹ написаны библиотеки книг. И постепенно что-то проясняется...

Проблема идентичности: кто мы, что мы? Какие мы?

Один из аспектов проблемы идентичности – соотношение антропологической устойчивости русского национального характера и его исторической изменчивости. Во внутриполитическом измерении это определяет, какой будет траектория-колея нашего национально-исторического движения, к какому общенациональному будущему движется Россия. Во внешнеполитическом аспекте от этого во многом зависит: обретем мы устойчивое доверие международного демократического сообщества и надежных доброжелательных партнеров, в т.ч. среди наших

* Ранее опубликовано в сборнике *Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития* (М.: Издательство «Ключ-С», 2015). Печатается (с небольшими изменениями) с разрешения автора.

¹ Под русским национальным характером понимается совокупность наиболее устойчивых социально-психологических черт носителей русской культуры, вне зависимости от их этнической принадлежности.

соседей, или Россию ждет очередное отчуждение, новый виток «холодной войны» и милитаризации.

Россия начала XXI в. и особенно ее будущее вызывают множество тревожных вопросов. Вот лишь некоторые. Председатель Конституционного суда России В. Зорькин публично высказал опасения, что при сохранении наблюдаемых тенденций «наше государство превратится из криминализованного в криминальное»². В связи с этим, способно ли творческое меньшинство России и ее правящий класс дать эффективный ответ на очередной исторический вызов? Обрели ли Россияне необходимую компетенцию для цивилизованного, без масштабных потрясений, перевода общества с траектории застоя на траекторию национального восходящего развития? Успеет ли наше общество преодолеть хронический правовой нигилизм или России вновь предстоит «насилие преобладающего невежества»? (Л.Н. Толстой).

И, наконец, к началу XXI в. сохранил ли народ России базовые черты национального характера? Если сохранил, то не грянет ли, в таком случае, новая вспышка низового террора против коррумпированной бюрократии по прецеденту начала XX века? Массовый правовой нигилизм и сервильность суда значимые тому предпосылки. Или, вследствие утраты национальной идентичности, как опасались Н. Данилевский и Ф. Достоевский, для русского народа реальна угроза «распустится в этнографический материал» и, ввиду утраты политической воли к историческому существованию, постепенно сойти с исторической сцены?

Опасения отнюдь не беспочвенны: численность населения России сокращается; дефицит мужчин по сравнению с численностью женщин достигает 15 млн. чел.; порядка 200 тысяч высоко образованных россиян за последние 15 лет покинули страну; экономика все больше увязает в сырьевой колее; многомиллиардный вывоз нуворишами капитала лишает народное хозяйство средств для модернизации; инфраструктура, созданная еще в советские пятилетки, на грани износа; суд обслуживает интересы власть и капитал предержавных; беспрецедентный масштаб коррупции государственного аппарата в принципе не совместим с должным качеством стратегического государственного управления, страна все больше теряет межгосударственную конкурентоспособность. Правомерен вопрос, какие задачи национального развития решены за последние 10-12 лет при изобилии нефтедолларов – беспрецедентном в истории России обилии финансовых ресурсов?

Трагизм ситуации в том, что 80% граждан, не получивших от режима ничего или получивших мало, самим фактом бедности исключены из творческой, экономической и политической активности, а главное – лишены перспектив на будущее³. Каковы будут последствия, когда миллионы россиян на безрадостном примере своих судеб и судеб своих детей убедятся в правоте предостережений

² Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 10 декабря 2010.

³ Подберезкин А. Национальный человеческий капитал. Т. 3. М., 2011. С. 603.

ученых? Массовое отчуждение способно обусловить крах государства, как это и произошло с СССР, на защиту которого не встал советский народ. В данном контексте это особо значимо, т.к. согласно результатам исследований Института прикладной математики РАН, при движении по инерционной траектории существует значительный риск дальнейшего распада России даже без ввода на ее территорию иностранных войск. Опубликованы и соответствующие карты⁴.

Политическое измерение русского национального характера

Общество, не создавшее ни полноценного представительства интересов больших социальных групп, ни дееспособной судебной системы, лишено возможности разрешать неизбежно возникающие социальные противоречия в рамках цивилизованного политико-правового процесса. Отсюда – радикализация общественных настроений. Политический терроризм – давняя проблема России. Достаточно указать на убийство в результате теракта в 1881 г. императора Александра II. Тогда властям удалось нейтрализовать террористическую организацию «Народная воля». Однако в начале XX в. террор вспыхнул с новой силой.

Препятствуя участию социально активной части российского общества в легальном политико-правовом процессе, власть провоцировала террористические методы борьбы с самодержавием, вместо совместного с обществом поиска компромисса и постепенного реформирования социально-властных отношений. В обществе, не освоившем за 900 лет православной проповеди, гуманистические идеалы и ценности христианства, не освоившем политико-правовую культуру как основу поддержания общественного диалога, нарастал террор радикальных групп.

В течение 1902-1906 гг. были убиты или ранены около 4 тыс. чиновников центральных и местных органов управления. В числе убитых (1905) генерал-губернатор Москвы Великий Князь Сергей Александрович, а также министры внутренних дел Сипягин и Плеве. В. Шелохаев пишет о настоящей террористической войне, «прокатившейся по России в 1905-1906 гг. Тогда было убито до 20 тыс. государственных чиновников разного ранга»⁵.

В 1905 г. только боевыми группами эсеров (члены партии социалистов-революционеров) было убито до 1.5 тыс. чел. За неполный 1906 г. в результате терактов был убит и ранен 1921 чел., в т. ч. 33 губернатора и генерал-губернатора, 38 начальников полиции и их помощников, 31 духовное лицо, 64 фабриканта и управляющих, столько же банкиров и торговцев⁶.

⁴ Малинецкий Г. Проект «Россия»: Анализ проблемы в синергетическом контексте // Компьютерра. 10 января 2009. С. 16-19.

⁵ Шелохаев В. Масштаб репрессий преувеличен // АиФ. 2011. № 51.

⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 321.

Аграрный террор. Поддержание Российской Империи и расширение ее территории при скудном прибавочном продукте земледелия объединили в единую стратегию выживания противоречивые факторы: авторитаризм, абсолютизм, этакратизм вверху и общинный коллективизм внизу. «Подобное сочетание обостряло внутреннюю конфликтность, расколотость социального целого». И потому любая инициатива властей воспринималась низами как очередная антинародная кампания. «Реформа П. Столыпина вызвала ожесточенное сопротивление крестьян. В 1907 г. развернулась настоящая крестьянская война»⁷.

В Полтавской губернии погромы помещичьих усадеб вспыхнули еще раньше – в 1902 г. В.Г. Короленко, стремясь понять мотивы массовой «грабизки» помещичьих усадеб, ездил по деревням, встречался с крестьянами. И один из них на расспросы известного писателя ответил: извольте видеть барин, дитя не плачет, мать не понимает. «Кто эта мать, которая должна услышать? Для многих это был по-прежнему царь, и его внимание деревня надеялась привлечь своей вспышкой... Но за царем теперь чуялось... еще что-то... Зарождалось ощущение какой-то силы, еще смутно понимаемой, неопределенной, но уже возникавшей на горизонте... Это был грозный симптом, но самодержавие его не замечало»⁸. Этому симптому низового насилия, не понимая его истинного смысла, не придали должного значения не только власть, но и образованное общество России. Два десятилетия спустя трагический итог подвел Питирим Сорокин: общество, которое не научилось развиваться постепенно реформируясь, неизбежно заплатит доброй частью жизнью своих членов в горниле революции.

Что принес России XX век?

Противостояние властей и радикальных организаций стало важнейшим фактором, спровоцировавшим революцию и гражданскую войну, в ходе которых население России сократилось на 10-13 млн. чел., большая часть которых погибла. Но иного способа «согласования» острейших социальных противоречий, кроме братоубийственной бойни, российское общество не нашло. Этот способ, как известно, предложил В. Ленин – преобразовать империалистическую войну в войну гражданскую.

В ходе масштабного социального конфликта закономерно возник политический режим диктатуры. Это означает: к началу XX века в России в ходе исторической и социокультурной динамики, несмотря на 900-летнее православие с его идеями и ценностями христианского гуманизма, вызрела не демократия, а диктатура.

⁷ Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М., 2009. С. 28-29.

⁸ Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_zemli.shtml (дата посещения: 7.12.2013).

Согласно определению Ленина, диктатура – политический режим, опирающийся непосредственно на насилие, неограниченное никаким законом. Этот режим и стал базовым условием, позволившим Сталину расправиться с творцами победоносной Октябрьской революции; режим, который они сами воздвигли на обломках неправового самодержавия. В период диктатуры общество не могло приблизиться к правовому государству и не приблизилось. В России и до настоящего времени доминируют правовой нигилизм и средневековый принцип силы. Последствия этого многообразны и крайне негативны для перспектив российского общества.

Отечественный XX век оказался чудовищно жесток: революция, гражданская война, насильственная коллективизация, голодомор, масштабный государственный террор (ГУЛАГ). Россия понесла многомиллионные человеческие жертвы и огромные экономические потери. Есть основания полагать, что источник названных процессов самоистребления – социокультурный раскол, под которым понимаются глубокие, часто непримиримые различия в ценностях, идеалах, коллективных предпочтениях; несовместимые образы желаемого общенационального будущего, а потому – несочетаемые представления о путях и способах достижения этого будущего.

Изменился ли русский национальный характер за XX век?

Трансформируясь по ходу исторического процесса, раскол продолжает свое существование и в начале XXI в. Об этом свидетельствуют: острейшая и продолжающаяся нарастать имущественная поляризация; решения судов, за редким исключением выносимые в пользу власть и капитал преобладающих; глубокие социально-экономические различия регионов, а потому и различия жизненных шансов их населения; аномально высокий уровень взаимного недоверия россиян; межэтническая напряженность; тлеющие межконфессиональные противоречия; острое отчуждение населения от власти; глубокие различия в уровне политической культуры урбанизированной части общества и его провинциальной, аграрной периферии; очевидные различия в неформальных, культурных нормах коренного населения и миллионных потоков мигрантов; поощряемая властями православная клерикализация многоконфессионального общества... Воспроизводство социокультурного раскола сохраняет предпосылки для нового старта процессов национального самоистребления в случае, если ощутимо просядет эффективность отечественных систем массового жизнеобеспечения в результате падения цен мирового рынка на энергоносители⁹.

⁹ Именно падение цен мирового рынка на энергоносители, обескровив советскую экономику, запустило механизмы крушения СССР.

Обобщая опыт первой половины XX в., К. Мангейм не без оснований утверждал: «Самое существенное в модернизации общества – преобразование человека, преобразование его способности мыслить и изъяснять свою волю... Лишь очень медленно, обретали низшие слои в позднесредневековый период способность участвовать в общем процессе социально-исторического развития, и лишь постепенно достигли они осознания своего социально и политического значения ... Процесс адаптации мышления идет настолько медленно, что растягивается на несколько поколений»¹⁰.

Как далеко продвинулся в России процесс модернизации национального сознания? Сформированы ли эффективные политико-правовые механизмы, блокирующие возможность нового запуска разрушительного сценария? Освоены ли необходимые культурные программы? К сожалению, есть основания в этом усомниться.

Результаты массовой, в течение многих десятилетий, дерационализации общественного сознания внушительны и печальны. Директор ИС РАН, академик РАН М.К. Горшков утверждает: «Если модернизация в форме индустриализации 1930 – 1960 гг. вывела СССР в число наиболее промышленно развитых стран, то социокультурная модернизация отстала от экономической – на целый век. В итоге, в 70-е – начале 80-х гг. "захлебнулась" и технико-технологическая модернизация. Выполненные исследования свидетельствуют: среди населения современной России последовательные традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций, составляют порядка 73-75%»¹¹.

По мнению М.О. Мнацаканяна, «Опасность усиливается глубоким кризисом самой русской культуры, объективными процессами упадка экономической и социальной жизни, финансовыми трудностями, упадком всей образовательной системы России... Более глубоко лежит такой важный и основополагающий фактор, как серьезная деградация русского национального характера... Того характера, который сложился веками»¹². И далее: проблема «в разрушении того государственно-политического порядка, где державность, авторитаризм и унитарная власть, поглотившая личность человека, решающим образом определяли и его поведение, и его миропонимание и мироощущение. ... Связь между национальным характером, указанным традиционализмом души и традиционными ценностями, безусловно, существует. (...) Важно (...) определить место и роль традиционализма в характере русского народа, т.е. как и в какой мере традиционализм влияет на характер русской нации»¹³, а потому и на траекторию ее исторического движения.

¹⁰ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 181, 12.

¹¹ Горшков М.К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник РАН. М., 2005. С. 68-69.

¹² Мнацаканян М.О. Глобальный мир и глобалистское мировоззрение. М., 2013. С. 379.

¹³ Там же. С. 380.

Реалии нашего общества отчетливо свидетельствуют:

- гуманистические идеалы и ценности для социально-властных отношений и массовых социальных практик не характерны;
- право и судебно-правовые механизмы как универсальный способ цивилизованного разрешения конфликтов не освоены;
- политический, партийно-парламентский процесс в качестве инструмента согласования разнонаправленных интересов больших социальных групп явно не пользуется доверием россиян;
- до половины населения страны убеждены: для ее благополучия всю полноту власти следует отдать в руки верховному правителю¹⁴;
- осознавая масштабы вероятных политических рисков, Россию лихорадочно покидают представители групп господства, увозя семьи и капиталы, что неопровержимо свидетельствует о распаде в общественном сознании России представлений о единой исторической судьбе.

Подобные примеры можно множить и множить. Опасность заключается в том, что многоосновный (многосоставный) социокультурный раскол, воспроизводимый в течение столетий в российском обществе, свидетельствует об отсутствии базового консенсуса по основополагающим ценностям, общенациональным перспективам, стратегиям и путям их достижения.

Вышеизложенное актуализирует вопрос об антропологической устойчивости и мере цивилизационно-исторической изменчивости русского национального характера. Изменились ли его базовые черты за XX век и, если изменились, то в какой мере? И потому, какой сценарий для России XXI в. наиболее вероятен?

Традиции позитивные и традиции негативные

«Национальное самосознание –
национальное самодовольство – национальное
самообожание – национальное самоуничтожение».

В. Соловьев

В последние годы национальная идентичность России привлекает пристальное внимание как ученых, так представителей правящего класса. Ученые стремятся понять механизмы формирования национального самосознания, учесть влияние социокультурных традиций на менталитет народа, понять механизмы «эволюции его идентичности»¹⁵, чтобы предвидеть возможные сценарии и риски движения по инерционной траектории. А в это время «власть и правящая элита», в поисках

¹⁴ Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 30.

¹⁵ Куриллы И.И. Кто должен писать учебники истории? // Кто боится учебника истории? / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград, 2013. С. 8.

легитимности призывая хранить отечественные ценности, цинично «эксплуатируют традиции и парадигмы русского национального сознания»¹⁶.

Традиции можно определить как воспроизводимые в течение столетий социальные практики, массовые стереотипы деятельности, в основе которых устойчивые доминанты массового сознания. Фиксируя «устойчивость и преемственность опыта поколений», традиции характеризуют «степень зависимости современного поколения от прошлого»¹⁷, определяют меру переноса прошлого в настоящее. Исходя из этого, обозначим ряд основополагающих российских традиций и попробуем оценить их влияние на современность. Особую остроту проблеме придает разворачивание кризиса современной русской культуры, поскольку «она сама содержит в себе источники... данного кризиса»¹⁸.

Начнем с мощного позитива. За всю историю России ни одно вражеское нашествие не одержало над ней окончательной победы, даже татаро-монголы, от которых Русь отбивалась 250 лет. Это означает, что для русских воинов – мужского населения страны – доминирующей суммой традиций на всем протяжении отечественной истории были мужество, отвага, стойкость, самоотверженность, верность долгу, патриотизм, самопожертвование, воинское искусство, взаимовыручка... Издавна ценится верность, целомудрие, жертвенность русской женщины, ее способность сострадать, ее трудолюбие, забота о детях, умение хранить семейный очаг... Все эти качества многократно воспеты в поэзии и в русской классической литературе.

Русская 300-летняя колонизация Сибири требовала предприимчивости, дерзкой отваги, выносливости и смекалки в преодолении трудностей, стремления познать неведомое, способности к упорному, напряженному труду для хозяйственного освоения огромных территорий. Ведение сельского хозяйства на обширных пространствах лесной зоны неустойчивого земледелия выработало многовековые традиции общинной жизни, предельного напряжения сил, артельной работы, навыки взаимопомощи, что столетиями позволяли русской деревне выживать. Однако эти и другие замечательные традиции, столетиями укорененные в массовом сознании и социальной практике, не обеспечили ни исторической устойчивости российского государства (только в XX веке оно распалось дважды в сопровождении огромных человеческих жертв), ни благополучия его населения.

Теперь о тех фундаментальных негативных традициях, которые также воспроизводятся из века в век, тормозя национальное развитие и оказывая самое негативное влияние на ход отечественной истории. Выше упоминалось: к началу XX века вызрела не демократия и правовое государство, а жесточайшая диктатура, обесценившая саму человеческую жизнь. И для «иноного» сценария, согласно принципу Лейбница, не оказалось достаточных оснований.

¹⁶ Мнацаканян. Глобальный мир. С. 201.

¹⁷ Там же. С. 360.

¹⁸ Там же. С. 380.

Каковы же эти недостающие основания? XX и начало XXI века наглядно продемонстрировали: отечественным массовым сознанием не освоены важнейшие цивилизующие ценности – гуманизм и право. Это обусловило традиционную жестокость власти по отношению к народу – «людодерство», как писал о том Ю. Крыжанич.

Как объяснить, почему многомиллионный талантливый народ России, владеющий территорией, изобильной всеми природными ресурсами, из поколения в поколение столь неблагополучен? Чем определялась неизбывная массовая бедность? Пока доминантой экономики России было сельское хозяйство, это еще можно было объяснять недостаточным плодородием земли, низкой урожайностью, неблагоприятными природно-климатическими условиями¹⁹. Но когда основой экономики все более становилась промышленность, в минимальной степени зависящая от капризов природы, чем тогда можно объяснить бедность населения? Ответ вполне очевиден: правящий класс России, наряду с прибавочным продуктом, традиционно изымал у населения значительную часть необходимого продукта, даже тогда, когда это не вынуждалось потребностями обороны. Иначе откуда роскошь имперской аристократии? Или ресурсы для сверхмилитаризации послевоенного СССР? Откуда баснословное обогащение постсоветской олигархии?

Есть основание полагать: традиции антигуманизма и беззакония сопряжены с 700-летним опозданием России по сравнению с Европой с учреждением университетского образования²⁰, а потому и сколько-нибудь широкого начального образования. Недаром Н.М. Карамзин еще в начале XIX в., характеризуя «образовательную» политику имперской бюрократии, писал о «давней традиции держать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее»²¹. Это самым негативным образом отразилось и на становлении в России правосудия, воспроизводя из поколения в поколение традиционное бесправие народа. Недаром еще Спиноза утверждал: справедливость и все правила истинного разума получают силу только от государственного права.

В числе отечественных негативных практик «традиция приказного, административного управления (...) как исторически привычное ограничение свободы человека»; в России XXI в. поведение индивида все еще детерминируется не столько внутренним самоконтролем, сколько внешними факторами; «неистребимая вера в "доброту царя" говорит о традиционном примате государства над обществом и личностью»; наряду с верхушечным элитарным либерализмом для России характерны «мощнейшие архаичные консервативные почвенные пла-

¹⁹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

²⁰ Если первые 250 лет опоздания с учреждением университета в России – следствие татаро-монгольского ига, то вторые 450 лет – противодействие иерархии РПЦ и находившихся под ее влиянием светских государей России.

²¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0120.shtml (дата посещения 16.01.2014).

сты»²². Как пишет академик Ю.С. Пивоваров, в русском средневековье «устанавливается и поныне существующая традиция авторитарно-насильнической власти азиатско-кочевнического пошиба»²³.

И, наконец, одна из наиболее пагубных, воспроизводимая столетиями традиция – нерасчлененность власти и собственности. Еще в начала XX в. знаток древнерусского права профессор В. Сергеевич писал: «Ни в Московском уделе (...) ни в Московском государстве мы не находим ни малейших указаний на наличие государственных имуществ, которые отличались бы от имуществ князя. В Москве есть только земельные имущества великого князя, а не государственные. И великий князь распоряжается ими, как пожелает, раздав в поместья и вотчины»²⁴. Много веков спустя, в конце XX столетия, отечественный социокультурный архетип воспроизвел типологически подобные социально-властные отношения. В интервью газете *Нью-Йорк Таймс* (4 октября 2003 г.) президент России В. Путин заявил: «У нас есть категория людей, кого государство назначило миллиардерами: просто раздало огромные государственные имущества практически бесплатно». Подобным образом государственная бюрократия может действовать, только будучи убежденной в своем «праве» и безнаказанности, а также, имея реальную возможность распоряжаться общенациональным достоянием как своей частной собственностью. Асоциальная приватизация, заложив фундамент нынешних кланово-олигархических социально-властных отношений, вновь направила Россию по исторически тупиковой колее.

Историческая традиция беззакония

Основополагающая роль права в жизни общества и государства требует более обстоятельного анализа российских «правовых» традиций в сравнении с Европой. Исторически первая европейская школа права была основана в Болонье (Италия) в XI в. (около 1087 г) специально для изучения текстов римского императора Юстиниана и к 1155 г. «в Болонье десятки тысяч студентов уже прошли подготовку для занятия правительственных постов по всей Европе»²⁵. В составе европейских университетов с самого момента учреждения (XII – XV вв.) создавались факультеты права, пользовавшиеся большим влиянием и популярностью. Их выпускники, занимая должности королевских судей и прокуроров, юридических советников при городских магистратах и цеховых гильдиях, нотариусов, а в

²² Волкогонова О.Д. Либеральный консерватизм в России: к 100-летию сборника «Веки» // Вестник института Кеннана в России. 2009. Вып. 15. С. 104 -111.

²³ Пивоваров Ю.С. ...Апрель двенадцатого года // Труды по россиеведению. Вып. 4 / Гл. ред. И.И. Глебова. М., 2012. С. 36.

²⁴ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1911. С. 22, 23.

²⁵ Берман Г.Д. Западная система права: эпоха формирования. М., 1998. С. 459.

дальнейшем и адвокатов имели высокий социальный статус и соответствующий доход.

Многие тысячи профессиональных правоведов в течение сотен лет своей ежедневной работой содействовали утверждению права в жизни европейского общества. Кроме того, в средневековой Европе «право рассматривали как часть христианской морали». При этом «чем более привилегированным было положение того или иного лица, тем строже оно должно было придерживаться права, тем большая моральная ответственность на него возлагалась». Показательно, что одной из наиболее распространенных и обычных форм сопротивления крестьян попыткам феодалов сломать обычай, усилить эксплуатацию и личную зависимость крестьян, «было правовое сопротивление: обращение в суды, требования расследовать и восстановить обычаи, проверить документы – сопротивление, опирающееся на высшую общественную ценность средневековья – право»²⁶.

Мучительно, тяжело, через кровавые конфликты – восстания и гражданские войны шла Европа к утверждению права в жизни общества и государства. Но она этот путь прошла. Одно из очевидных свидетельств: потомки исторически вчерашних варваров – галлов, франков, германцев, норманнов... – ныне законопослушные граждане правовых государств Европы. В итоге, в обществах западноевропейского, а в дальнейшем и евро-атлантического культурного ареала усвоение права обеспечило к началу XX в. переход от силового способа социального регулирования к конвенционально-правовому²⁷.

Иное в России. Приведем ряд свидетельств, характеризующих вековечную традицию беззакония при отправлении государственного правосудия в богоспаемом отечестве. Вот как описывал судебную практику средневековой Московии подьячий Посольского приказа Г. Котошихин: «Наказания судьи не страшатся; от соблазна очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допускают, хотя не сами собою; но по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына и брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают»²⁸.

Первый русский политэконом И. Посошков, обращаясь к Петру I, писал: «Пока прямое правосудие у нас в России не устроится и совершенно не укоренится, никакими мерами богатым нам быть невозможно... Потому что все пакости в нас чинятся от неправого суда, от нездорового рассуждения, от нерассмотрительного правления... Древних уставов (т. е. традиций – С.М.) не изменя, никак правосудия насадить и утвердить нельзя. Паче всякого дела надлежит стараться о пра-

²⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Искусство. М., 1984. С. 209, 206.

²⁷ (Этот тезис автора спорный. Как раз в начале XX века Европа переживает глубокий кризис доверия к правовому государству и к либеральным ценностям. Это было время торжества так называемого священного национального эгоизма или *sacro egoismo*, не признающего никаких компромиссных решений. Тенденции эти усилились после Первой мировой войны и привели в ряде стран к торжеству фашизма и национал-социализма – прим. ред.)

²⁸ Котошихин Г. О России в царствовании Алексея Михайловича. Издание 2-е. СПб., 1911. Гл. XII. С. 28.

ведном суде и, если правосудие у нас установится..., тогда и собиранье царской казны будет сугубо... Правосудие есть дело самое высокое и надлежит его так строить, чтобы оно ни от какого чина незыблемо было... Правосудию устроиться на Руси весьма сложно. Не то, что у иноземцев-христиан, у басурман суд чинят праведен. А у нас вера святая, на весь свет славная, а судная расправа никуда не годная²⁹. И какие указы его императорское высочество не издает, все ни во что обращается»³⁰.

Выразительным свидетельством бессилия властей перед хаосом законодательства и правоприменения стал Указ Петра от 15 июня 1714 г. «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям». На практике указ едва ли мог быть последовательно применен, однако путаницы в практике государственного управления добавлял с лихвой. Неслучайно подводя итог правлению Петра I в сфере законотворчества и правосудия, В.О. Ключевский иронизирует: «Опомнившись от реформ Петра, думающие люди обнаружили: при избытии законодательства – полное отсутствие закона»³¹. Действительно, исполнение закона властью предрешающие не считали для себя обязательным, а общество той эпохи не имело сил принудить группы господства исполнять закон. Не возникли эти силы и в последующие 300 лет. Гражданское бессилие российского народонаселения исторически традиционно воспроизведено и в начале XXI в.

По прошествии сорока лет Екатерина II, взойдя на трон, обнаружила: «Правосудие в империи продавалось тому, кто платил дороже». Законов было множество, но суды ими пользовались только где они были полезны сильнейшему. Народ жаловался на лихоимство, взятки, коими кормились воеводы и их канцелярии, поскольку не получали жалование. Императрица была очень обеспокоена недостатками управления и несовершенством российских законов. По этому поводу она писала Вяземскому: «Законы наши требуют поправления, первое, чтоб ввести в одну систему, которой и держаться; другое, чтоб отрешить те, которые оной прекословят; третье, чтоб разделить временные и на персон данные от вечных и непреходящих».

Однако попытка императрицы создать новое законодательное Уложение потерпела полную неудачу. Ее причины позднее объяснил М.М. Сперанский: «...Созваны депутаты от всех состояний (...) дан наказ, в коем содержалось сокращение (сжатое изложение – С.М.) лучших политических истин того времени; употреблены были великие пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы... словом, все было устроено, чтобы дать России бытие политическое. Но все сие столь было тщетно, столь незрело и...преждевременно. ...Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один

²⁹ Характерная констатация: никакая православная вера не может заменить отсутствующее правосознание.

³⁰ Цит. по: Соловьев В. История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1962. Кн. 8. С. 532.

³¹ Ключевский В.О. Курс лекций по истории России. Соч. в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 329-330.

разум, который бы мог стать на высоте сего звания»³². Таковы были во второй половине XVIII века результаты накопленного столетиями невежества.

Беззаконие и произвол содействовали сохранению еще одной давней российской традиции – казнокрадство и взяточничество чиновников. Исторически их породила традиция «кормлений». Воевода, в качестве провинциального правителя, концентрировал в своих руках административную, судебную, финансовую и военную власть. Это позволяло ему выжимать из податного населения немало и сверх налогов. По свидетельству Татищева – уездные воеводы «смело грабили»³³.

К Земскому Собору 1642 г. с челобитной обратились городские дворяне 39 центральных и южных уездов. «Бельмом на глазу сидело у городского дворянства московское дьячество, разбогатевшее неправедным мздоимством и настроившее себе таких палат каменных, в каких прежде и великородные люди не жили»³⁴. Чем не подмосковная Рублевка начала XXI в.? Аналогия с Москвой конца XX – начала XXI в. вполне очевидна. Антропологическая устойчивость национальных традиций, через несколько столетий, вплоть до архитектурных подробностей, воспроизводит привычные социально-властные отношения. Характеризуя нравы отечественных чиновников XVIII в., В.О. Ключевский пишет: «Курбатов, назначенный инспектором ратушного правления, т.е. президентом совета бурмистров московской ратуши (министерский пост) увидел себя в самом омуте взяточничества и казнокрадства... Сведущие в чиновных изворотах люди рассчитывали, что из 100 податных рублей только 30 попадут в казну, а остальное чиновники делят между собой»³⁵. По прошествии 300 лет данные общероссийского мониторинга 10 тыс. сделок по государственным закупкам 2006-2007 гг. фиксируют: из общей суммы в 4 трлн. руб. «был украден каждый четвертый рубль»³⁶. Традиции казнокрадства в богоспасаемом отечестве не умирают...

Множество подобных примеров свидетельствует о мощи и масштабности влияния прошлого на социально-властные отношения России XXI в., о мере социокультурной зависимости общества от своего, казалось бы, давно минувшего прошлого. «Согласно традиции – отмечает О.Д. Волкогонова – России предуготовано стать националистическим и авторитарным государством»³⁷. Однако, ясно понимая бесперспективность такого сценария в XXI веке, автор оговаривается: «Сегодня – не время традиций».

³² Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_vvedenie_k_ulojeniu.html (дата посещения 18.01.2014).

³³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С. 144.

³⁴ Он же. Курс лекций по истории России. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-57387.html?page=78/> (дата посещения 16.02.2014).

³⁵ Он же. Курс русской истории. Ч. 4. С. 144, 153.

³⁶ Щеглов А. У России украли еще один триллион // Независимая газета. 17 октября 2007.

³⁷ Волкогонова. Либеральный консерватизм в России. С. 112.

Что делать?

По сути, перед социо-гуманитариями России стоит задача тщательного анализа российских социально-властных отношений. Жизненно важен отказ от давних, исторически тупиковых скреп и традиций с целью форсированного освоения тех, которые определяют возможность поступательного, восходящего развития социума в XXI в. в условиях острой глобальной конкуренции. Прежде всего, речь идет о праве. Осуществить это необходимо в кратчайшие сроки, хотя бы в сегменте элитарного сознания. По мнению А. Тойнби, ключевая проблема распада больших, многосоставных, полиэтнических государств – неадекватное восприятие реальности их руководящими элитами. «Россия сможет сохраниться только в том случае, если в нашем обществе найдется потенциал к позитивному самоизменению»³⁸.

Безвременье, в которое все глубже погружается Россия, провоцирует поток благостной апологетики самобытного традиционализма. Однако еще в начале XX в. В.О. Ключевский предостерегал: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану (...) усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготавливали их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины на бессмысленном управлении»³⁹. К сожалению, и власти России, и общество остались глухи к предвидению выдающегося ученого. Однако через считанные годы история подтвердила его правоту.

В России XXI в. воспроизведены типологически-подобные социально-властные отношения: обеспечивая своим детям высококачественное образование за границей, группы господства последовательно разваливают отечественное образование; на основе циничной эксплуатации политически безоружных масс критического уровня достигло и продолжает расти социальное неравенство; падение темпов экономического роста объективно свидетельствует о низком качестве государственного управления; массовое сознание, как и 100 лет назад, уповает лишь на справедливого правителя. Каковы будут последствия, когда миллионы россиян постигнет неизбежное разочарование? К какому общенациональному будущему ведет такая исторически традиционная колея?

³⁸ Яковенко И.Г. *Познание России: цивилизационный анализ*. М., 2012. С. 424.

³⁹ Ключевский В.О. *Афоризмы за 1911 г. // Из русской мысли о России / Сост. И.Т. Янин*. Калининград, 2002. С. 267.